

вольного этимологизирования его времени. О степени важности затронутой темы можно судить по следующему высказыванию В. В. Иванова: «Проблема первичности языка жестов как основного средства коммуникации, связанного с решением интеллектуальных задач у приматов, животных зрительного типа, представляется одной из тех центральных для современной науки о человеке проблем, где необходимо сопоставление данных антропосемиотики (исследования знаковых способов коммуникации в человеческом обществе), зоосемиотики и нейропсихологических фактов»²¹ (разрядка моя. — Л. С.).

Не беря на себя смелость утверждать, к чему ближе Вико — к средневековому мировоззрению с его постоянной тягой к символической интерпретации человеческих деяний или к современным методам семиотического анализа, отметим, что взгляды Вико на язык, символическая природа которого была им, по-видимому, глубоко прочувствована и нетривиально осмыслена, заслуживают пристального внимания, хотя роль, отводимая итальянскому философу в истории лингвистической мысли, и соответственно место, занимаемое им в «истории лингвистических учений», неординарны. Это, впрочем, неудивительно, если учесть характер той науки, в задачу которой, по известному выражению Соссюра, помимо решения прочих проблем входит также «определение своих границ и объекта»²².

Жорж Мунэн в своей «Истории лингвистики от истоков до XX в.» характеризует «Новую науку» как теорию происхождения языка, что уже само по себе в глазах французского исследователя снижает заслуги ее автора перед лингвистической наукой²³.

На это следует сразу же возразить, что кругозор Вико не ограничен вопросами генезиса языка, а генетический подход к языку (причем понимаемому не только как речевая деятельность (langage), но и в более широком, переносном значении, как всякий способ общения между людьми или, как мы теперь сказали бы, рассматриваемому в общесемиотическом плане) возведен в универсальный принцип научного познания. Объяснение природы вещей, в чем Вико усматривает самую подлинную задачу науки, невозможно без знания их истории. «Природа вещей — не что иное, как их возникновение в определенные времена и при определенных условиях» (77). И начинаться наука должна с того момента, «когда первые люди начали мыслить по-человечески, но не с того, когда философы начали размышлять над человеческими идеями...» (117). Эта же методологическая установка распространяется и на «историю языков», и для того чтобы уяснить природу языка, нужно обратиться к его изначальному, первобытному состоянию, а не к писателям, которыми до сих пор занималась филологическая критика.

Если исходить из общей теории процесса становления научного знания, выдвинутой О. Контом (теологическая, метафизическая и положительная, или научная, стадия), то окажется, что поиски начал и конечных причин всех вещей, поиски абстрактных сущностей, лежащих в основе образования явлений, характеризуют «младенческое состояние ума», являются атрибутом мифологического мышления. В классификации Б. де Куртена, очевидно отгалактивающейся от позитивной философии Конта, но переработанной применительно к развитию лингвистического мышления и языкознания в целом (доисторический, мифологический, метафизический, позитивный периоды), поиски начал и источника языка относятся к метафизическому периоду, являющемуся одновременно и метапсихи-

²¹ Иванов В. В. Очерки по истории семиотики в СССР. М., 1976, с. 22.

²² Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики. — В кн.: Соссюр Ф., де. Труды по языкознанию. М., 1977, с. 44.

²³ Mounin G. Histoire de la linguistique. Des origines au XX siècle. Paris, 1967, p. 135.